

Встречи

Павел Шмаков:

**«Когда видишь счастливые
лица детей, наполняешься
энергией и деятельной силой»**

Павел Шмаков – личность у нас в республике популярная, да и за её пределами известная. В Казани он начинал свою педагогическую деятельность в 1982 году преподавателем физико-математической школы «Квант», был директором Академического колледжа при КГУ (1992–2000), учился и работал в Хельсинки (2000–2011), возглавлял Лицей им. Н. Лобачевского также при Казанском университете (2011–2013). В 2013 году вместе с группой единомышленников Павел Анатольевич создал Специализированный олимпиадно-научный центр «Школа СОлНЦе» и стал её директором.

Сидим у меня дома, ведём оживлённую беседу. Такое впечатление, что мы знакомы сто лет, хотя встретились впервые. Рассказывает Павел Анатольевич увлечённо, темпераментно. Порой мысль его обгоняет слова, и речь его становится настолько скоротечной, что некоторые изначальные фразы-посылки обрываются впереди летящей новой информацией. Всё это сразу говорит о человеке, одержимом сокровенной идеей, давно намеченной целью и знающем пути к достижению намеченного.

О Павле Шмакове много писали в СМИ, показывали, был даже фильм на телеканале «Культура». Так что неоднозначная биография его, история педагогического пути, проблемы, невзгоды и успехи, директорство в Школе СОЛНЦа, да и сама школа с её необычной системой обучения довольно-таки хорошо известны интересующейся этой темой публике. Поэтому разговор наш пошёл в свободной форме, без определённой заданности и необходимости затрагивать что-то обязательное для непосвящённого читателя.

Что интересно, Павел Анатольевич для начала внимательно осмотрел мою настенную экспозицию живописных полотен и фотографий, порассуждал над некоторыми из них. Пока я ставил чайник, даже запечатлел кое-что на свой смартфон. Получился фотоальбом «Tatar PEN...», который вышел в свет накануне нашей встречи.

Мы удобно устроились по обе стороны журнального столика, и я включил диктофон. Но сразу оговорюсь, записанная речь никогда один в один не ложится на бумагу.

— Павел Анатольевич, как вы, филолог-теоретик, выпускник МИФИ, завернули в педагогику?

— У меня мама была учительницей. Она умерла буквально год назад, прожив 97 лет и благополучно вырастив меня и моих брата с сестрой. Я был младший в семье. Она всю жизнь работала в школе, очень любила свою работу, вела предмет русского языка и литературы. К нам домой часто приходили её ученики, по выходным, по праздникам... На столе у неё всегда было много тетрадок. Я рано, лет с пяти, научился читать, и она доверяла мне проверять сочинения и диктанты. Оценки ставить нельзя было, и ошибки я помечал карандашом.

Бабушка* тоже работала учительницей русского языка и литературы. Но у неё была другая карьера. Она 1899 года рождения, член коммунистической партии с 1918 года, дружила с Крупской. Однажды, когда я немного подрос, мне было лет четырнадцать, я спросил про 37-й год. У неё многие друзья и подруги оказались в лагерях, а как же она в те годы?.. Бабушка была убеждённый коммунист, кавалер ордена Ленина — Калинин награду вручал. «Меня тоже однажды исключили из партии, — ответила она на мой вопрос. — Я села в поезд и поехала к Крупской». Многие ли в те годы были знакомы с Крупской? Один на тысячу. В итоге её восстановили. Она впоследствии стала завучем, директором школы, заведующей роно, редактором одной из уральских газет...

— А отец?

— Отец был лётчик, 1920 года рождения (мама 23-го). Судьба у него тоже была интересная. Он летал, воевал. В 1942 году его сбили, и он попал в плен. С группой товарищей бежал, был партизаном в Белоруссии, потом попал в штрафбат, летал штрафным лётчиком и участвовал в самых тяжёлых боях, где отличился, и его перевели из штрафников в обычное лётное подразделение. С боями папа дошёл до Берлина, расписался на Рейхстаге, имел ордена и медали. А потом, лет через пятнадцать, его сняли с лётной должности за то, что побывал в плену. Стал, так сказать, постоянным клиентом на «Чёрном озере», работал дворником в аэропорту — не хотел расставаться с самолётами, хотя бы и в таком качестве.

И он написал письмо одному известному писателю (фамилию запамятовал, надо будет у сестры уточнить), у которого была такая же нелёгкая судьба. Рассказал о товарищах по плену и

* Бабушка — Мария Петровна Минеева, Заслуженный учитель РСФСР и РФ.

Павел Шмаков выступает на традиционной еженедельной линейке школы

партизанскому отряду, о своём боевом пути до самого Берлина и правительственных наградах. И о том, что теперь работает дворником. И тот писатель разобрался, папу восстановили в правах, и он благополучно потом работал диспетчером в аэропорту. Воспитала меня мама, конечно. С папой они развелись, но я с ним часто встречался. Мама замуж больше не вышла, осталась с тремя детьми. Дело в том, что когда папу стали таскать на «Чёрное озеро», он начал пить. На войне ещё научился с этими известными «наркомовскими ста граммами». Это же каждый день было фактически, ещё порции погибших... Многие лётчики плохо кончали после войны.

И они с мамой расстались, хотя любили друг друга. А расстались потому, что бабушка сказала: настоящий коммунист не должен пить вообще. Вот такой коммунист была моя бабушка. Да, продолжали встречаться... Папа сжал

меня в кабину самолёта, и я рядом с лётчиками облетал весь Татарстан. Но воспитала меня всё же мама, и всё педагогическое, что есть во мне, — это от мамы.

— Окончив школу с золотой медалью, вы не остались в Казани...

— ...Поехал в Москву и поступил в МИФИ. И по очень смешной причине: в моей голове, школьника-отличника, медалиста, было совершенно твёрдое убеждение, что я самый умный мальчик в Казани. На олимпиадах побеждал, был председателем городского пионерского штаба «Радуга», всё нормально... И вот приезжаю в Москву и вдруг вижу ребят умнее себя, любимого, живых, рядом. Ещё интереснее было через семь лет, когда вернулся в Казань и увидел немало людей опять-таки умнее меня. До семнадцати лет я никого в упор не видел. А тут мне стали интересны

Школьные линейки проходят в вольной, непринуждённой обстановке

Встречи

люди, которые явно лучше меня в чём-то, кто в физике, кто в шахматах, кто просто в каких-то психологических вещах... Раньше я этого не замечал, был в школе эгоистом, зазнайкой. Теперь в нашей школе я, наверно, хороший учитель, но самое главное, что умею делать, – это находить людей лучше себя в чём-то. Этот одним делом владеет превосходно, другой бесподобен в другом... Школа наша такими педагогами, мастерами своего дела и интересна.

– И всё же был первый шаг к педагогике...

Педагогика началась у меня со второго курса. Я нашёл очень интересно-го человека Георгия Александровича Зайцева, физика-теоретика, доктора физико-математических наук, одна из научных книг которого меня очень заинтересовала. Потом я и о нём самом прочёл. Оказывается, у Георгия Александровича в подростковом возрасте обнаружили прогрессирующую мышечную дистрофию. С годами он слабел и мог передвигаться только с помощью инвалидной коляски. Превозмогая болезнь, годами работая лёжа, он, тем не менее, стал видным учёным и даже на два года опередил своим научным трудом физиков Янга Чжэньина и Ли Чжэндао (американцев китайского происхождения), открывших «Закон сохранения чётности» и ставших лауреатами Нобелевской премии в 1957 году.

Жил и работал Георгий Александрович в Иванове. И я, студент МИФИ, поехал к нему, чтобы он стал моим научным руководителем. Общение и работа с ним имели для моего мировоззрения определяющее значение. И кроме всего прочего, если говорить о педагогике, я тогда вместе с друзьями создал спецкласс при школе МИФИ – класс, в котором вместо физики и математики стали преподавать теоретическую физику и философию. С самого начала – с Платона, Аристотеля... Это был мой первый педагогический опыт. Потом были «Квант», экспериментальные колледж, лицей...

– Какая у вас была специализация в МИФИ?

– Теоретическая ядерная физика. Мне в научные руководители предлагали академика Аркадия Мигдала, а я нашёл себе профессора Зайцева. Что интересно, Мигдал занимался настоящей, хорошей физикой, именно физикой. А вот у Зайцева кругозор был безграничный, и он охватывал основы

многих наук. Георгий Александрович создал, например, алгебраическую физику. Скажем так, математикой он повеял многие физические теории. С точки зрения математики, насколько всё-таки стройны, красивы эти его физические теории!

– *Как в Древней Греции, философ был и математиком, и астрономом, и политиком, и поэтом...*

– Да, да, да... Я именно об этом. Мне всегда было это интересно. Меня не увлекала узкая специализация. Мне всегда были интересны люди широких знаний, учёные-энциклопедисты – Леонардо да Винчи, Ломоносов... Их всегда было мало, а теперь и вовсе... Да, Зайцев был именно таким человеком, как древнегреческие философы. Он познакомил меня со своим другом Побиском Георгиевичем Кузнецовым, учёным-энциклопедистом, мыслителем. Имя-акроним его означает «Полколение октября, борцов и строителей коммунизма». У него был широчайший спектр интересов, начиная с вопроса происхождения жизни, биологии, химии, физики и заканчивая инженерией, экономикой и общей теорией систем. Кузнецов обладал способностью при решении сложных научных проблем использовать другие науки, зачастую очень отдалённые. Он, кстати, и воевал, и ранен был, и дважды побывал в заключении и ссылке. Его нехватность интересов и «космология духа» просто поражали. Зайцев свёл меня и с другими необыкновенными людьми его научного круга. Они оказали большое влияние на мою будущность.

– *В Википедии о вашей родословной вообще ни слова.*

Мой родной дедушка был дамским портным, а вот его брат занимал должность заместителя наркома юстиции Татарстана. Его дети – очень интересные люди. Они татары. Дедушка-то русский, а вот дочка вышла за Анва-

ра Сафовича Тайсина, впоследствии доктора географических наук. По его учебникам все школы Татарстана географию изучали. А моя троюродная сестрёнка, Эмилия Анваровна Тайсина – доктор философских наук, лауреат Государственной премии Татарстана, написала кучу книжек. И мне их дарила. Так что близкие родственники у меня татары, выдающиеся, красивые татары.

– *Чем ваша школа, Павел Анатольевич, отличается от других?*

– Многие школы России, имею в виду хорошие школы, – это обычно знаиновые школы, где детей кормят знаниями из ложечки. Тут я говорю немножечко образно. А наша школа основана не на голых знаниях, а на прежде всего мотивации, то есть на том, чтобы ребёнок хотел... И мы ищем детей, которые хотят...

– *Чего хотят?*

– Какой-то интеллектуальной цели. Ведь очень важно иметь в жизни цель. Пусть и не очень чёткую, но которую можно достичь с помощью интеллекта, с помощью головы. Вот наша школа и помогает в этом. У нас в России ценится понятие мастера. Скажем, Данила-мастер, герой сказов Бажова, или Левша, который блоху подковал. Например, когда у человека есть машина, он знает, в какую конкретную автомастерскую поедет, и ему там мастер её починит, не доломает. Или вот живёт мать троих детей без мужа, и известно, что в третьем подъезде есть мужик, прекрасный сантехник, и он легко раковину почистит. Женщина сама не может, а мастер – пожалуйста! В России ценят мастерство. Это отличает Россию от Запада. На Западе ценится профессионализм – это немножечко другое.

– *У нас говорят: мужик с руками.*

На западе человек работает честно,

хорошо, на «четвёрку» с плюсом. А вот у нас, пусть у тебя и жизнь в семейном или бытовом плане не совсем сложилась, но зато ты – м а с т е р, картины рисуешь красиво, книги пишешь увлекательные или в компьютерах разбираешься... А школы по другому принципу построены в России, неправильному, с моей точки зрения. В школах ценится «ударник», который знает всё на «четыре» и «пять». Но при этом, как правило, поскольку ему надо вытягивать одинаково все предметы, у него нет какого-то яркого предмета, где он мастер. Если у ребёнка восемь «пятёрок» и две «тройки», то ему скажут: прежде всего исправь «тройки». Для школ существует графа качества знаний, и по количеству троечников школу будут бить. Школе не дадут дополнительно денег, будет недофинансирование, так как есть троечники. Школа не любит детей, которые неровненькие.

– То есть нужна специализация, какой-то интерес?

– «Специализация» – это более западный термин. Я бы по-другому сказал: школьник должен любить хотя бы что-то.

– Математику, скажем, или литературу...

– Да... Но иногда бывает, что ученик любит учителя, а не предмет. У меня в школе было так: я любил физику, а знал математику, потому что у меня учителем математики была женщина, которая никогда не рожала, она не была замужем и не любила детей, хотя и была Заслуженным учителем России. Она любила математику и меня любила, поскольку я знал математику, а других не любила, я это видел. А физику вела женщина Полина Александровна Ямпольская, которая не очень хорошо знала физику, но она её любила. И она водила детей в разные институты – в Физтех водила на кафедру оболочек, её лабораторию, или приводила бородатых физиков,

и они играли на гитарах и очень интересно рассказывали. И я полюбил физику. Мне бы лучше на мехмат идти, а я пошёл в МИФИ. Ничего страшного, я потом в итоге между математикой и физикой так и был всегда. Просто это очень важно, что есть отдельные учителя, которые влюбляют в свой предмет, а школ, которые всех влюбляют в свои предметы, нет. Ну как, есть, конечно, но очень мало.

Вот сейчас говорят о терроризме в образовательных учреждениях. Но школы не любят троечников, двоечников, хулиганов или слишком умных, а любят средненьких. И тогда те, кого не любят школы, тоже в свою очередь не любят свои эти школы. Потом в итоге они, нелюбимые, приходят и стреляют. У нас вот школу любят все. И это главное. Я с учениками поездил по разным передовым школам. Есть очень красивые школы – йошкар-олинская, например, которую возвёл строитель-энтузиаст, прям-таки настоящий дворец, или Груднининская в Подмоскowie.

– Но школа должна быть не просто красивой, но и содержательной.

– И то, и другое... Эти вещи должны соответствовать друг другу. Груднинин, замечу, сначала съездил в Финляндию, посмотрел там, прежде чем строить школу у себя.

– Вы же хорошо знаете Финляндию. Какие там особенности?..

– В Финляндии два государственных языка – финский и шведский. Поскольку Финляндия до России была в составе Швеции, шведы живут более богато, и школы шведские богаче. Шведы там живут в своих домах, а финны, как правило, в квартирах. Благополучие шведов выше. У меня три дочери в Финляндии, одна закончила шведскую школу, а две ещё учатся. В итоге они знают несколько языков. Они знают шведский и финский хорошо и плюс английский. В Финляндии другая концеп-

ция изучения английского. Например, перевод художественных и мультипликационных фильмов делаются только с субтитрами. Дети несколько лет слушают английскую речь и осваивают её.

– Что касается языков, вы очень активно взялись за тему защиты татарского языка в школе...

– Знаете ли, не за тему татарского языка, а за тему человеческого достоинства и справедливости. В октябре 2017 года собрали директоров школ по всей республике, и там, где я был, сидело пятьдесят человек, и на экране выводилась дорожная карта, по которой следует уволить три четверти учителей татарского языка. Я с разрешения включил диктофон, начал задавать вопросы. И мне отвечают: поступил приказ уволить три четверти преподавателей татарского. Это звучало жутко. Я сказал: «Нельзя же это делать посередине учебного года; и как мне в глаза смотреть этим учителям и тем более ученикам, оставшимся без своих учителей!» А от директоров ещё начали требовать, чтобы родители детей представили письменное заявление, какой у них родной язык. Не по закону, а по интерпретации закона. У нас в школе мы собрали родительское собрание и договорились, что будем постепенно уменьшать количество часов, но никого не уволим. И у меня все дети учат татарский, абсолютно все. Всё началось с того, что мне попытались приказать без закона, просто по распоряжению сверху, закон потом появился. У нас одна родительница писала жалобы, ну это нормально, имеет право. А мы начали большую работу – приглашали артистов, писателей, ставили спектакли, делали мультфильмы с субтитрами. И вот на одном из таких вечеров выступает дочка той мамы на татарском, русском и английском языках. Прекрасно выступает. Мама сидит в зале. А ведь до этого в другой школе девочка не хотела изучать татарский язык. А тут –

просто чудо! Мама её больше жалоб никуда не писала.

Добавлю, мы и через суды прошли, включая Верховный, и отстояли татарский язык. Да, некоторые родители не хотели, чтобы их дети изучали татарский язык. Мы никого не загоняли в классы, мы не писали никуда, в то же роно. Двери у нас стеклянные, они распахнуты, и там, скажем, мультфильм идёт на татарском. И что, ребёнок не зайдёт в класс, когда там мультфильм идёт? Мы сделали мягкое, добровольное вхождение в язык, без никакого насилия. Ребята все дружат, им без разницы – еврей ты, татарин или русский. Мы добились главного – дети не разделены на национальные группы. У нас в школе – одна большая семья.

– А вы не побоялись на том первом собрании выступить с протестом, когда ваши коллеги вокруг помалкивали, опустив головы?

– Что мне бояться! Самое ужасное в моей жизни уже случилось. У меня сын погиб в 25-летнем возрасте. Работал в Турции вице-консулом России. Погибла и его мама, моя жена, тоже 25-летней. Меня три раза увольняли, закрывали школу, причём, незаконно, и я вынужден был уехать из родной Казани в Москву, а затем – в Финляндию.

– Не все же довольны вашей кипучей деятельностью, кое-кто пишет жалобы, доносы...

– Как же без этого! Сейчас вот расскажу. Пришёл я к нашему Президенту на приём, и он читает справку на меня подготовленную: «Занимается антиправительственной деятельностью, утверждает, что некоторые хорошо работают, а некоторые плохо и что недостаточно в республике ведётся работа по сохранению татарского языка». И улыбается: «И в самом деле ведь, недостаточно работаем».

– Значит, Рустам Нургалиевич поддерживает вас?

– Да... Он помог нам с нашим красивым и здравствующим ныне зданием, на очереди – современный спортзал. Он сказал: «За то, что защищали самоотверженно татарский язык!» А недоброжелателей много среди тех, чьих детей мы не приняли по протекции. И это ведь влиятельные люди республики. И некоторые начали принимать «меры», попросту говоря, преследовать меня. Я приехал из Финляндии и стал директором лицея Лобачевского. Из 600 детей там 243 было зачислено слева. Представляете себе цифру? Там дочери, сынки... У меня тетрадошка была, куда я всё записывал, подробно – имена высоких чиновников, суммы, квитанции... У меня эту тетрадошку пытались изъять, мой кабинет вскрывали, в квартиру проникали. По блату мы не принимали и через два года школу закрыли, у мэра, поддерживавшего меня, тоже были проблемы, портились отношения с деловыми партнёрами. Ильсур Метшин, надо отдать ему должное, позже сказал: «Знаете, Пал Анатольевич, я горжусь тем, что ни разу не попросил вас кого-то взять...»

– Вас три раза увольняли, были семейные трагедии, и вы каждый раз, как Феникс из пепла, возрождались. Откуда берётся эта энергия, этот жизненный напор?

– От детей. Вы знаете, когда видишь счастливые лица детей, то наполняешься энергией и деятельной силой. У нас ведь какая проблема – подростков не считают за людей. Человеку шестнадцать-семнадцать лет, он уже образованнее некоторых наших взрослых сограждан, а его не уважают, это видно. Девяти-десятиклассники – это уже полноценные взрослые люди. Во многих школах детей любят, но не уважают, к ним не прислушиваются, с их мнением не считаются. Это дискриминация. Я несколько лет пытался создать совет школы из учителей, родителей и детей. Но не пошло, обсуждения не пошли реально. Вдруг года два-три

назад у меня ребята создали собственный орган самоуправления, сами. Назвали «Движуха». Начали проводить мероприятия, стали организовывать жизнь малышей, осуществлять неформальную жизнь школы... Мы им доверяем, и у нас отношения человеческие. Подростков нельзя заставлять, к ним надо прислушиваться и договариваться с ними.

– Лет десять в Казани на телевидении я вёл программу «У зелёного камина», где задавал гостям вопрос: «Какие десять книг вы взяли бы с собой на необитаемый остров?»

– Интересно! Сейчас скажу. Герман Гессе «Игра в бисер» – чудесная книга. Однозначно взял бы «Маленького принца» Экзюпери. «Мокрые под дождём» Симона Соловейчика – это книга об одном мальчике, который увлекался физикой, и о том, что человек, занимающийся любимым делом, не может быть одинок. Какой-нибудь сборник Омара Хайяма. Люблю его рубаи. Дальше...

– Лев Толстой, Достоевский...

– Я не понимаю Достоевского. Меня отталкивает его антисемитизм. Для меня чрезвычайно значимо: если один человек унижает другого, это, безусловно, очень плохо. Гениальный писатель, но... И это «но» перевешивает.

– Так, продолжим. Номер пять...

– «Воспитание свободой. Школа Саммерхилл». Это английский, точнее, шотландский автор Александр Нилл – новатор в области образования, защитник личной свободы детей.

– Смотрю, у вас всё воспитательное...

– Ну что нравится, то и читается. Следующая книжка... Это «Учитель, который работает не так» Александра Тубельского, основателя и директора

Научно-педагогического объединения «Школа самоопределения». Книга дорога мне прежде всего потому что... Я год в его школе проработал в Москве и считаю его великим педагогом и своим учителем. Некоторые вещи я у него перенял. Книга, конечно, не совсем ровная. Она написана на основе работы в «Школе самоопределения». Это школа, где можно собирать в группы детей разных возрастов. Детей не следует по возрасту делить. Надо по развитию разделять. При изучении английского языка, например, сейчас много где так делается. Надо и по другим предметам... Вот физика: кто-то до неё дозревает в пятом классе, кто-то в седьмом, а кто – в десятом. Вот... Кто ещё в памяти?

– «Евгений Онегин», «Война и мир»...

– «Войну и мир» Толстого несколько раз перечитывал.

– «Тихий Дон»...

– Нет, нет... «Повелитель мух» Уильяма Голдинга. Это детей собрали на необитаемый остров... И какие страшные вещи они там творили!

– А дети вообще бывают порой очень жестокие.

– Да, но они растут. И в чём-то надо их поддерживать, а в чём-то нет. Вот, например, такая история. Когда мне было лет восемь, я пытался начинать курить. Перетирал смородиновые листья, завёртывал в бумажечку и зажигал. А мимо однажды идёт молодой парень, лет под тридцать, красивый, спортивный такой, с бицепсами. И не глядя на меня, даёт мне подзатыльник и идёт дальше. Но я, отличник школьный, ничего плохого не сделавший, спрашиваю: «За что? Почему?» Он отвечает: «Потому что дурак». И идёт дальше. Вот такое простое воспитание было для меня. Больше не курил.

– *Собеседники в ответах на мой этот вопрос о десяти книгах чаще всего называли Библию, Коран... Да и «Маленького принца» частенько...*

– Однозначно Братья Стругацкие. «Пикник на обочине». Я бы несколько книжек Стругацких взял. Но прежде всего «Пикник...» По этой книге Тарковский снял гениальный фильм «Сталкер». Смысл: если Бог даёт человеку большое, истинное желание, то даёт и силы для его исполнения.

– *О фильмах мы отдельно поговорим.*

– Ещё одну книгу сейчас назову. Сейчас, сейчас... *(Задумывается.)* «Муравьи» Бернара Вербера. Она о том, что муравьи – братья наши по разуму. Это художественная проза. *(Подробно рассказывает содержание.)*

Телефонные звонки перебивают наш разговор. То учителя звонят, то сторожа... Не добравшись до десятой книги, переходим к фильмам. Тут Павел Анатольевич первым делом называет 4-серийный «Саммерхилл» по уже названной книге Александра Нилла об экспериментальной Школе Саммерхилл, основанной в 1921 году в Англии. Далее с пояснениями перечисляет: оscarоносное «Общество мёртвых поэтов»; упомянутый «Сталкер» Тарковского, прибавив к нему и «Ностальгию», и «Зеркало»; «Нелюбовь» Звягинцева, «Неоконченную пьесу для механического пианино» Михалкова, «Барона Мюнхгаузена» Марка Захарова, «Гараж» Рязанцева. Девятым пунктом Павел Анатольевич назвал основоположника сюрреализма в кинематографе Луиса Бонюэля, сказав, что очень любит его фильмы, не отметив конкретно ни один из них. До десятого пункта, как и с книгами, не добрался.

– Вернёмся к разговору о моей школе. Я пытаюсь собрать там преподавателей, которые являются своеобразными звёздами. При этом такие люди не

образуют коллектива. Они не командные люди. Но у них хорошо строятся взаимоотношения с детьми, и дети тянутся к ним. У них могут быть житейские недостатки, но они каждый в чём-то талантлив. И это очень важно. Они умеют влюблять ребятшек в свой предмет. Я здесь уже рассказывал о своём ученическом опыте с преподавателями математики и физики. То же самое я вижу теперь глазами директора. У нас теперь вот есть учитель физики, которого любит вся школа. Он не так хорошо знает физику, но для гуманитариев, скажем, физика не так и нужна. Он очень добрый, знает оба языка – и русский, и татарский. Интересно объясняет, рассказывает. Как же пропустить его урок или опоздать к нему на занятие! Или вот бывшая моя ученица, которая сейчас только звонила сюда. Теперь она учитель биологии, мой заместитель директора, доцент университета, мать двоих детей, очень симпатичная. И вот полшколы теперь влюблено в биологию. Некоторые, собственно, не очень успевают по биологии, а биологию любят, ходят в её биологический клуб. И гигантское число ребят стремятся попасть на биологические олимпиады. У меня четыре предмета ведутся блестяще: биология, русский-литература, хорошо стартовала информатика и, наконец, английский язык. У нас английский клуб, между прочим, образовался. Мы приглашаем носителей английского языка, Кембриджский центр создали... А вот по некоторым предметам, казалось бы, хорошие учителя, но они не влюбляют в свои предметы.

– А надо, чтобы влюбляли?

– Обязательно надо. Но мне грустно, что я не могу найти человека, который мог бы влюбить детей в татарский язык. У нас много гостей бывает, много праздников, у нас мягкая, добрая атмосфера и учителя неплохие, но при этом дети не влюблены в язык как язык. В любом же языке есть красивое и привлекательное. Когда был депутатом

горсовета, я три года занимался татарским языком, мы организовали курсы татарского языка, сам учил его и вдруг заговорил. Мне же надо было общаться с горожанами, разговаривать с бабушками.

– А теперь?

– Теперь конкретная надобность отпала, а без практики сами понимаете... Да, говорю простейшие фразы, хожу на митинги (всегда приглашают), но всё равно по большому счёту наработанное за три года интенсивной учёбы как-то быстро утрачено.

Кстати, насчёт десяти книг... Вспомнил. Я бы взял с собой на необитаемый остров Пастернака. Его роман «Доктор Живаго». Не скажу, что это моя любимая книга и перечитывать бы её не стал, но взял бы и поставил, чтобы стояла. Она какое-то странное впечатление на меня произвела...

– *Ценятся книги, которые хочется перечитывать. Перечитывая хорошую литературу, каждый раз открываешь для себя что-то новое.*

– В этом есть особый смысл. Я постоянно перечитываю Есенина. Постоянно, хотя немало стихотворений его знаю наизусть. Как-то вот за живое берёт каждый раз. Моя мама, я уже говорил, была учительницей литературы и с детства читала мне вслух и поэзию, и прозу. Потом – библиотеки. В Казани хорошие библиотеки – что университетская, что Национальная... Знаете, я жил в Финляндии одиннадцать лет и скажу: там сказочные библиотеки, подлинные центры культуры, как клубы в деревнях. И несмотря ни на какие информационные технологии, ни на какую цифровую грамотность, не взирая ни на что, книга, литература останутся основой образованного, культурного, цивилизованного человека. И возвращаясь к Есенину... Мало того, что постоянно перечитываю, каждый раз я беру его сборники в наши школьные походы – зачитанные, в раз-

ных переплётах сборники. И на необитаемый остров, конечно, взял бы.

– Что же с него не начали?

– Всё-таки трудно всю любимую литературу уложить в одну десятку книг. А Есенин – это тот, кто в моём походном рюкзаке лежит. Я и песни его пою. Так что, как же без него на необитаемом острове?! Нравится мне очень и Булат Окуджава, песни его. А проза не потрясла. Ещё Высоцкий. Да, Есенин, Окуджава, Высоцкий. Я вообще люблю хорошую бардовскую песню. Взял бы на остров какой-то такой сборничек песен. А стихи Есенина и без музыкального сопровождения сами по себе песни. Читал, конечно, и Тютчева, и Фета. Они хорошие. Но, но...

– Но перебор получается.

– Действительно. Трудно уложиться в ограниченную десятку названий.

Разговор наш ещё долго продолжался. Он затронул различные обязательные и не совсем обязательные темы. Но постоянно возвращался к педагогической, образовательной... Обычно журналисты под конец беседы спрашивают о планах на будущее. А тут Павел Анатольевич сам как-то в пылу оживлённой беседы сообщил об открытии подобных его детищу специализированных школ, а может, точнее сказать, филиалов Школы СОЛН-Це в Нижнекамске, Альметьевске и Набережных Челнах.

– Начнём с Нижнекамска, – сказал он. – Скоро поеду туда. Надо посмотреть, оценить, всё основательно обсудить. Это же не простое дело – дать жизнь новой неформальной школе. Конечно, не один поеду, а, как всегда, со своими учениками-единомышленниками.

Какая информация может быть ценней, когда дело, которому твой

герой посвятил жизнь, развивается, расширяется, имеет продолжение вне его апробированных пространств! На прощание я передал Павлу Анатольевичу (для него самого и для школьной библиотеки) ряд книг – как своих, так и ПЕН-клубовских.

* * *

На другой день, как договорились, я пришёл в Школу СОЛНЦе на еженедельную линейку. Она проходила в актовом зале, который, по всему виду, приспособлен и под спортзал – у дальних дверей шведская стенка, вокруг вдоль высоких окон, стен и перед роялем толстые современные маты, и на них – дети. Да, сначала была младшая группа, потом средняя и наконец – старшекласники. Три группы, по очереди. Форма одежды вольная, положение на матах свободное – кто сидит, кто полулежит... Темы разговора тоже различные – о Школе, её проблемах, о творческих и прочих проектах учащихся, о событиях вне школы... Ребята и девочки выступают непринуждённо, содержательно, в карман за словом не лезут.

Павел Анатольевич крепко держит нить беседы, говорит то с места, то, увлечшись темой, оказывается в центре своеобразной подковы из поролоновых «плотов» с детьми. Он сразу в начале линейки представил меня, и я в конце беседы с каждой возрастной группой имел честь выступить.

Младшим я рассказал о «Казанском альманахе» и его детской рубрике «Волшебный казанок», где печатаются сказки, стихи, рассказы для детей. А вот после ознакомления со Всемирной ассоциацией писателей и Татарским ПЕН-центром в ней, рассказа о том, что существует мировое содружество литераторов, неожиданно услышал: «Это тяжело для детей, надо что-то попроще».

Хорошо. Второй возрастной группе я сообщил, что у нас в альманахе имеются рубрики «Дебют» и «Новое

имя», и что редакция днём с огнём ищет молодые таланты. «И если кто-то из вас, юные друзья, – обратился я к собравшимся на линейку ребятам, – пишет стихи, рассказы, то мы рады будем ознакомиться с ними и помочь в редактировании и публикации – со всеми, так сказать, славными последствиями». Назвал несколько имён известных писателей, которые вошли в большую литературу с помощью нашего альманаха. В заключение спросил, есть ли у них в школе какой-либо самостоятельный журнал. Нет, не оказалось. И подумал, что, должно быть, я безнадежно отстал – какие бумажные журналы, какие стенгазеты в век цифровых технологий?!

Третьей волной накатила на плоты-маты старшая группа. Чинно и в то же время вольно старшеклассники расположились по периметру зала. С ними Павел Анатольевич повёл более серьёзный и строгий разговор, особенно в части подготовки к олимпиадам и работы над личными проектами, которые здесь обязательны для всех. Поделится и некоторыми новостями республиканского и федерального значения.

На этот раз я заговорил о катастрофическом падении интереса к чтению, литературе, книгам. Тиражи изданий падают. Привёл пример из собственной практики: «Мой роман «Шейх и Звездочёт» (кстати, о подростках), вышел в 1991 году 50-тысячным тиражом, а вот нынешний

лауреат республиканского конкурса «Книга года» мой сборник рассказов под названием «Иренка» имеет всего 1200 экземпляров». Рассказал и том, как буквально несколько дней назад, проходя по двору, увидел мусорный бак, заполненный до краёв книгами. Там и классика, и современная литература...

Выступившие ребята сказали, что многие теперь читают электронные книги, а что касается бумажной литературы, то у них в школе формируется библиотека, и она книгами активно пополняется.

А на выходе из школы, когда я уже оделся, подскочил ко мне малыш и спросил: «Кто ваш любимый писатель?»

Я ответил, не задумываясь. А читателям сообщу, что имя его не совпало с десятком, названным Павлом Анатольевичем.

P. S. Через несколько дней в социальных сетях я увидел пост Павла Шмакова, в котором он, вспомнив нашу встречу в школе на линейке, развернул тему падения интереса к чтению книг во всю широту своего видения. Но почему тогда, в актовом зале, на общем сходе не продолжил он размышления своих старшеклассников, не обобщил их, не высказал своего мнения, не могу сказать. Может, время было ограничено, а может, решил осмыслить тему более основательно. Согласитесь, вопрос, поставленный временем, не так прост.

Беседу вёл
Ахат Мушинский

